

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Д. БЛАВАТСКИЙ, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья («Причерноморье в античную эпоху»), под редакцией проф. В. Н. Дьякова, вып. 5, М., Изд-во АН СССР, 1953, 208 стр., тираж 3000 экз., цена 8 р. 60 к.

Рассматриваемая работа В. Д. Блаватского посвящена важнейшей проблеме в изучении экономики античного общества. Если аграрные отношения и сельское хозяйство античного Рима привлекали к себе внимание историков, начиная уже с Аппиана, то несравненно более слабо изучался с точки зрения аграрного развития «классический» период истории Эллады, V—IV века. По отношению к эллинистическому периоду внимание исследователей почти целиком поглощалось аграрными отношениями Египта, эллинистической же Элладе исследовательского внимания в этом направлении уделялось также совершенно недостаточно.

Монография В. Д. Блаватского, являясь первым опытом синтеза существующих знаний о сельском хозяйстве и аграрных отношениях в эллинистических государствах Северного Причерноморья, во многом восполняет указанный пробел. Историко-эллинисту книга В. Д. Блаватского даст гораздо больше, чем обещает ее название, ибо заставляет задуматься о трактуемых в книге вопросах по отношению, например, к Аттике, Эвбее и другим крупным островам Эгейды, к Халкидике и т. д.

В. Д. Блаватский собрал, насколько я могу судить, все опубликованные материалы относящиеся к трактуемым вопросам; поскольку он и сам не мало участвовал в сборании этих материалов и ему, конечно, знакомы и неопубликованные данные, рассматриваемая монография так или иначе опирается на весь существующий в настоящее время материал первоисточников. Автор изучает земледелие в намеченных им историко-географических рамках во всех возможных аспектах. На основании известного факта — обширного экспорта зерна из Северного Причерноморья в Элладу — устанавливается определяющая роль земледелия в экономике данного района. Для доказательства этого положения подробно анализируются также земледельческие культуры Причерноморья; этот сам по себе интересный очерк, однако, далеко не в полной мере может аргументировать основное положение автора; многие земледельческие культуры в своем развитии приобретают самостоятельное значение, с земледелием не связанное. Далее автор широко ставит вопрос об аграрных отношениях в Херсоне, на Боспоре и в Ольвии, привлекая археологические и эпиграфические данные, подчеркивая преобладание мелкого и среднего землевладения. При этом мысль исследователя совершенно закономерно, но к сожалению, лишь частично, отталкивается от аграрного строя классической Эллады; в гораздо большей степени автор опирается на данные римских агрономов, что, на наш взгляд, приводит его к некоторым спорным выводам.

Херсонес с его *χώρα* дает наибольшее количество данных для изучения техники сельского хозяйства и аграрных отношений, и на нее автор, естественно, сосредотачивает наибольшее внимание. В. Д. Блаватский совершенно правильно характеризует Херсонес как типичный рабовладельческий полис, в отличие от Боспора, Гераклеи Понтийской и даже Ольвии; главным основанием для такой характеристики является тот факт, что Херсонес не владел прилегающей территорией тавров, не пора-

бошал и не эксплуатировал таким образом окружающее варварское население. Тем более интересна даваемая автором аграрная характеристика Херсонеса. Однако ценность этой характеристики снижается, как нам кажется, тем методом, на основе которого построено все исследование: автор не характеризует сельское хозяйство и аграрные отношения всесторонне в каждом из изучаемых им районов, но, наоборот, каждую проблему рассматривает на основе данных, взятых из всех районов. В связи с этим однородный материал оказывается разорванным по отдельным главам и возможность выводов в известной мере ограничивается. Землевладение, организация сельскохозяйственной площади, типологическая характеристика отдельных хозяйств, сельскохозяйственные постройки, вопрос о применении искусственного орошения, наконец, социальный состав и численность непосредственных производителей — каждая из этих тем рассматривается в отдельной главе, тогда как все главы, за исключением последней, основываются почти исключительно на данных из Херсонеса. При скудости материала было бы целесообразнее использовать для характеристики землевладения не только размеры владений, но и материал о сельскохозяйственных постройках, об организации сельскохозяйственной площади и т. д. Тогда можно было бы конкретнее оценить и размеры владений, и социальный облик владельцев. При таком методе возможно было бы, как кажется, глубже использовать цитируемую автором весьма интересную надпись (IOSPE, I², 403 — стр. 29 слл.).

Большая заслуга В. Д. Блаватского в том, что он впервые сделал попытку перевода и интерпретации этой надписи (автор ее публикации отказался, как известно, от перевода). Однако и сам В. Д. Блаватский все же уделяет недостаточно внимания интерпретации надписи: исследователь не сомневается, что надпись свидетельствует о массовой продаже участков. Однако вряд ли можно читаемый в надписи глагол *ἐπιβάτω* резюмировать, как это делает автор, существительным *πράσις* «продажа»; *πράσις* смысловым образом отличается от *πληράσις*, а именно может значить «приобретать» вообще, не только путем покупки. *Πράσις* и *πληράσις* встречаются только в более поздней (следует В. В. Латышеву) части надписи; здесь говорится о продаже, произведенной избранными эпилеметами (?) по постановлению, по-видимому, народного собрания; во всяком случае и здесь речь идет о продаже государством, а не частными лицами. Это существенно меняет придаваемый автором смысл зафиксированной в надписи операции. В связи с этим возникает мысль о возможности сопоставления данной надписи с другой, цитируемой автором, с надписью на базе статуи Агасикла (IOSPE, I², 418), которая хронологически может быть весьма близкой к надписи о продаже участков. В надписи Агасикла речь идет о какой-то весьма крупной, как правильно отмечает В. Д. Блаватский, операции по отношению к виноградникам на Херсонесской «равнине»; замечу что *ὄριζω* имеет более широкое значение, чем «размежевываю». Обе надписи позволяют сделать вывод о крупной роли государства в развитии аграрных отношений в Херсонесе, что, в свою очередь, дает некоторую возможность сопоставления аграрных отношений в Херсонесе конца III в. до н. э. с таковыми же в эллинистическом мире, в частности, может быть, даже со Спартой времен Агиса IV и Клеомена III. Я вполне отдаю себе отчет в том, насколько затруднительно идти по предлагаемому мной пути; В. Д. Блаватский и не ставил перед собой такой задачи. Но поскольку в книге ставятся столь неясные в современной науке вопросы о землевладении и характере эксплуатации сельскохозяйственного труда в античной Элладе, необходимо высказать все возможные относящиеся сюда соображения.

Нам представляется, что автор несколько преувеличивает достоверность археологических следов античного межевания на херсонесской *υφρα*, хотя он сам и предостерегает от такого преувеличения. На наш взгляд, следовало бы глубже подойти к вопросу о башнях на Гераклейском полуострове. Автор привлекает для сопоставления башни на острове Теносе, утверждая, что они были предназначены для обороны против пиратов. Последнее заключение представляется недостаточно обоснованным: ни приводимая В. Д. Блаватским надпись из Теноса, ни археологическое изучение (на данном этапе) теносских башен не дают материала для вывода об их назначении

для обороны против пиратов. Точно так же башни на Гераклейском полуострове вряд ли предназначались для защиты от нападения пиратов; защита от мелких разбойных нападений не требовала сооружений подобной мощности. Тем менее можно рассматривать подобные башни как средство самообороны против рабов, численность которых на Гераклейском полуострове предстает совершенно неясной и, если считать Херсонес типичным полисом, она должна была быть невелика (об этом см. ниже).

В. Д. Блаватский приводит весьма интересную надпись из Теноса, близкую по времени к использованным в книге и рассмотренным выше двум херсонесским надписям; однако автор не обратил внимания на сходство содержания теносской и херсонесской надписей — продажа участков (с упоминанием в теносской надписи о приобретении башни). Приходится пожалеть, что В. Д. Блаватский не остановился на этих интереснейших данных, но следует подчеркнуть, что рассматриваемые надписи впервые привлекаются для изучения аграрных отношений и это является несомненной заслугой В. Д. Блаватского.

Характеризуя размеры херсонесских «клеров», В. Д. Блаватский сопоставляет свои выводы с данными римских агрономов, — в этом отношении исследователь идет по следам многих современных историков античного земледелия. Было бы правильнее характеризовать земледелие и аграрные отношения Херсонеса, сопоставляя их с эпиграфическими данными о землевладении в Аттике: в порядке аналогии эти данные могли бы пролить некоторый свет на земледелие и землевладение в Херсонесе, а херсонесский материал мог бы быть использован при интерпретации аттических надписей. Рассматривая в главе 15-ой социальный состав и численность земледельческой массы в Херсонесе, В. Д. Блаватский исходит из постулата, основанного на аналогии с данными Катона, что в основном эта масса состояла из рабов: так должно было быть (автор указывает на отсутствие прямых данных), поскольку в Херсонесе существовал «чисто античный характер сельского хозяйства».

Во-первых, «чисто античный характер сельского хозяйства» — понятие чересчур широкое и поэтому неопределенное; во-вторых, преобладание рабского труда вряд ли может считаться обязательным признаком земледелия в античности. Например, в экономически развитых полисах Эллады, располагавших более или менее значительной $\chi\omicron\rho\alpha$, в частности в Аттике, большая часть гражданства владела мелкими участками, которые обрабатывались преимущественно самими владельцами; эксплуатация рабского труда была, по-видимому, развита слабо. Аттические надписи, в частности надгробия Vb^1 , не свидетельствуют о наличии значительного количества рабов в аттической $\chi\omicron\rho\alpha$. Хозяйства в несколько десятков га должны рассматриваться, как нам кажется, для Аттики как крупные, и таких хозяйств не могло быть много. Аттические надписи IV в. свидетельствуют о значительном распространении мелких земельных владений и мелкой аренды (см., например IG, II, 600 и 1059; III, 61); с другой стороны, Демосфен, подробно описывая инвентарь и размеры весьма большого для Аттики владения Файниппа, совершенно не упоминает о рабах. Аналогии с виллой Катона вряд ли могут как-либо прояснить этот вопрос. Чересчур различно социально-экономическое и политическое развитие Италии времен Катона и полиса эллинистической Эллады; чересчур различны природные условия римской Кампании, где находилась вилла Катона, и засушливой Аттики. Но для Аттики и Херсонеса эти условия весьма схожи. Поэтому при вычислении населенности херсонесской $\chi\omicron\rho\alpha$ нельзя исходить из данных Катона; на основе аналогий с Элладой мы можем предполагать на Гераклейском полуострове преобладание свободных производителей. Кстати, сам В. Д. Блаватский находит указание в одной из херсонесских надписей на применение свободного труда в сельском хозяйстве. Следовательно, и организация труда здесь должна была быть иной, чем на вилле Катона; в частности, это хозяйство должно было быть гораздо более трудоемким в условиях необходимости ирригации с весьма ограниченными вод-

¹ См. W. Peek, Attische Grabinschriften. I. Eine Nachlese zum letzten Band der Inscriptiones Graecae, II/III², В., 1954.

ными ресурсами; это последнее обстоятельство отмечает сам автор в главе об искусственном орошении.

На основании данных о большом количестве усадебных построек можно думать о существовании гораздо большего количества мелких и даже мельчайших хозяйств, чем количество «клеров», устанавливаемое по плану Агания Строкера. В таком случае картина социально-экономических, в частности земельных, отношений Херсонеса представится в существенно ином виде, чем в рецензируемой книге.

Весьма ценна характеристика аграрных отношений на Боспоре. Здесь дана не только сводка существующих материалов; автор исследует вопрос о распространении мелкого землевладения, привлекая сообщение Диодора о наделении 1000 каллатийцев клерами царем Евмелом. Это сообщение, бесспорно, свидетельствует о появлении 1000 новых мелких владений, и автор совершенно правильно заключает из этого о существовании мелкой земельной собственности на Боспоре вообще. Хочется только заметить: чтобы придти к этим выводам, автору не было никакой необходимости прибегать к предложенной В. Латышевым сомнительной поправке к тексту Диодора¹ (XX, 25) и помещать поселение каллатийцев на Фанагорийском острове.

Непонятно также, почему В. Д. Блаватский видит в мелком землевладении на Боспоре III в. до н. э. «уже совершенно отжившую и утраченную свой смысл форму хозяйства». Аналогия с эллинистическими монархиями отнюдь не говорит в пользу такого утверждения. О крупном землевладении, связанном с крупным хозяйством, как об определяющей форме аграрных отношений, у нас нет оснований говорить ни по отношению к эллинистическим монархиям, ни, как нам кажется, по отношению к Боспору; на отсутствие достаточных данных о существовании развитого крупного землевладения и крупного хозяйства у частных собственников на Боспоре указывает сам автор. Для эллинистического мира более типичным является государственное храмовое или городское землевладение, связанное с эксплуатацией мелких хозяйств свободных непосредственных производителей, в той или иной степени прикрепленных к земле. Кстати, и сам В. Д. Блаватский говорит о наличии на Боспоре подобных категорий землевладения. В главе 15-й рассматриваемой книги автор признает широко распространенной формой хозяйства у присоединенных к Боспору племен мелкое хозяйство закрепощенных земледельцев, квалифицируя их положение как полурабское и сближая их с положением, «в котором находилось сельскохозяйственное население эллинистических государств». Вместе с тем автор не допускает существования «латифундий» на Боспоре, с чем в полной мере следует согласиться. Таким образом остается неясным, что разумеет автор под мелким землевладением как отжившей формой хозяйства.

Совершенно закономерно сближая аграрные отношения Боспора и эллинистических государств, В. Д. Блаватский, однако, чересчур суммарно и поэтому неточно определяет положение сельскохозяйственных масс как «полурабское» и «почти бесправное». Вряд ли положение *basilikoi γεωργοί* эллинистического Египта можно характеризовать как полурабское: некоторая (отнюдь не абсолютная) прикрепленность к земле не лишала этих земледельцев личной свободы и гражданской правоспособности. Нельзя назвать полурабским и положение мариандинов, аналогия с которыми представляется гораздо более полной. В этот ряд нельзя включать илотов и пенестов, с одной стороны, аттических гектомориев, с другой, так как социально-исторический облик тех и других слишком различен. С этими оговорками пужно признать весьма интересной и ценной ту характеристику положения основной сельскохозяйственной массы на Боспоре, которую дает В. Д. Блаватский.

Менее убедительным является утверждение о преобладании эксплуатации рабского труда в сельском хозяйстве европейской части Боспора. Да и сам автор выдвигает это положение со значительными колебаниями. Автор приводит два аргумента

¹ Ср. К. М. К о л о б о в а, Положение городов в Боспорском государстве, ВДИ, 1953, № 4, стр. 58, прим. 1.

в пользу своего утверждения: упоминание Демосфеном неких ἐργάται, для которых какой-то γεωργός из Феодосии купил дрянное вино (причем слово ἐργάται переводится как «рабы»), и рабский характер восстания Савмака. Но под ἐργάται вряд ли можно понимать рабов, как на это указал С. А. Жебелев¹; строго говоря, в тексте Демосфена не содержится прямого указания на то, что γεωργός купил вино для с в о и х «эргатов»: вино могло быть куплено со спекулятивными целями для продажи земледельческой бедноте вообще. То обстоятельство, что в Ὀικονομικός (Псевдо) Аристотеля слово ἐργάται приближается к смыслу «рабы», отнюдь не значит, что этим словом вообще обозначали рабов как таковых. У Аристотеля понятие «раб» включает всякого представителя физического труда, в том числе и свободного; по отношению к земледельческому труду у Аристотеля заметны некоторые колебания; в основном же для него не существует резкого различия между понятием δούλος и Λίανυσος.

Что касается восстания Савмака, то исследовательская дискуссия по этому вопросу² с очевидностью показала, что основная масса восставших состояла из земледельцев, сходных по своему положению с мариандинами, или с земледельческой массой племен на присоединенных к Боспору землях, положение которой В. Д. Блаватский четко рассматривает как классово отличное от рабского состояния. И С. А. Жебелев, и В. В. Струве не останавливались на различии в социальном положении земледельческих племенных масс на Боспоре, с одной стороны, рабов на плантациях, с другой, несколько упрощенно характеризуя тех и других как однородную рабскую массу. Однако, В. В. Струве, уточняя в конце своей статьи социально-экономическое положение восставших, определяет их как зависимых мелких землепользователей, ведущих самостоятельные хозяйства. Восстание Савмака, таким образом, не может быть использовано как аргумент в пользу широкого распространения рабского труда в сельском хозяйстве Боспора, в частности его европейской части.

Что касается даваемых в книге вычислений и определения общего количества населения на Боспоре, то здесь особенно рельефно проступает столь свойственная автору широкая эрудиция. Хотелось бы пожелать, чтобы автор сосредоточил больше внимания на экономических и политических связях с Боспором соседних с ним племен; особенно интересно было бы глубже исследовать роль Прикубанья в хлебной торговле Боспора. Это сделало бы яснее характер экономической политики Спартокидов и как царей и как крупных землевладельцев, причем, естественно, возникает вопрос о возможности аналогии с эллинистическим Египтом.

Весьма содержательная 15-я глава прослеживает социально-экономическую эволюцию Северного Причерноморья, главным образом Боспора, до времени Поздней Римской империи. Автор характеризует эту эволюцию как постепенное исчезновение эксплуатации рабского труда и труда свободных и распространение труда пелатов, близких по своему социальному положению к колонам. Это связывается с «рустификацией» и «сарматизацией» боспорских центров.

Весьма интересно интерпретируется боспорская надпись II в. н. э. Тиберия Юлия Реметалка, как иллюстрация возникновения колонатных отношений.

Эти весьма ценные страницы 15-й главы вызывают некоторые замечания. Автор не обращает внимания на то, что боспорские манумуссии относятся, по-видимому, к городским рабам, а не к сельским и поэтому вряд ли могут характеризовать процесс исчезновения рабского труда в основной отрасли хозяйства, тем более, что сельское хозяйство Боспора не основывалось, как мы видели, по преимуществу, на эксплуатации рабов. Замечу далее, что социальное содержание слова пелаты (πελάται) весьма не ясно, особенно для языка II в. н. э.; очень показательна в этом отношении столь мало, к сожалению, исследованная биография Агиса и Клеомена Плутарха, где «пелатами» называется основная часть деклассированного гражданства Спарты; поэтому

¹ С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИОН, 1934, № 1.

² См. С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, № 3; В. В. Струве, Восстание Савмака, ВДИ, 1950, № 3.

вряд ли целесообразно пользоваться этим словом как *terminus technicus*. Вызывает сомнения и «выездное земледелие», практиковавшееся, якобы на Боспоре во времена сарматской династии; роспись склепа Анфестерия не является достаточным аргументом в пользу этого предположения, мало вероятного и по общим соображениям.

Наконец, хочется высказать пожелание, чтобы автор дополнил рассматриваемую главу в последующих изданиях работы историей сельского хозяйства и аграрных отношений позднеантичного Херсонеса. Этот вопрос обойден в работе. Я отдаю себе отчет в больших трудностях, связанных с исполнением этого пожелания, но вряд ли кто-либо другой смог бы преодолеть эти трудности с большим успехом, чем В. Д. Блаватский.

Я рассматривал работу В. Д. Блаватского почти исключительно с точки зрения проблемы аграрных отношений в античной Элладе; рецензируемая книга в широком плане выдвигает эту важную проблему и с ее теоретической стороны, и в смысле подбора весьма ценных конкретных данных. Но главное по объему содержание книги посвящено широкому и детальному подбору археологических, по преимуществу, данных для всесторонней характеристики земледелия и даже сельского хозяйства в целом в Северном Причерноморье. Эта вполне конкретная задача блестяще разрешена в книге. Автор дает чрезвычайно точное и детальное описание сельскохозяйственной техники в узком смысле слова — орудий труда, приемов обработки почвы, а также системы полеводства, садово-огородных культур. В. Д. Блаватский стремится решить и такие трудно поддающиеся изучению вопросы, как, например, урожайность; превосходно характеризуется обработка и хранение продуктов сельского хозяйства и т. д. Особого внимания заслуживает глава о полевых культурах, где дается характеристика злаковых культур, основанная на совместных исследованиях археологов и историков культурных растений. Особенно интересно выдвигаемое в этой главе наблюдение, что культурная пшеница не была завезена в Причерноморье греками, но культивировалась местными племенами до появления греческих поселений. Этот вопрос заслуживает специального изучения и весьма желательно, чтобы в последующих изданиях книги данная глава была бы дополнена сведениями о земледелии в Северном Причерноморье в догреческий период.

Весьма ценным представляется также подчеркиваемое автором наблюдение о сходстве «орудий труда, а возможно, и приемов земледелия у населения Азиатского Боспора и независимых от Боспора обитателей Среднего Прикубанья, во всяком случае, в первых веках нашей эры» (стр. 109).

Глава о животноводстве представляет большой интерес с точки зрения приемов исследования и как важный итог предшествовавших исследований. Но все же количественная незначительность находок костей вряд ли позволяет делать те, весьма интересные сами по себе, широкие выводы об эволюции стада, которые предложены в этой главе.

Итог нашего рассмотрения книги В. Д. Блаватского очевиден: эта работа, содержащая глубокое исследование одного из наиболее актуальных вопросов истории античной Греции и Северного Причерноморья, вносит серьезный вклад в советскую литературу об античном мире.

А. К. Бергер